

СИСТЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКАГО РАВНОВѢСІЯ И ЛЕГИТИМИЗМА

И

НАЧАЛО НАЦІОНАЛЬНОСТИ

ВЪ ИХЪ ВЗАИМНОЙ СВЯЗИ.

ИСТОРИКО-ДОГМАТИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНИЕ

ВОЕВОЛОДА ДАНЕВОСКАГО

Доцента Харьковскаго Университета, члена-сотрудника Гентскаго
Института Международнаго Права.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Р. Голико, Невскій, 106.

1882.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

Введеніе.	стр. III—VII

ОТДѢЛЪ I.

Система политическаго равновѣсія.

ГЛАВА I.

Политическое равновѣсіе въ исторіи и трактатахъ.

1. Историческій очеркъ	1
2. Политическое равновѣсіе въ трактатахъ.	7

ГЛАВА II.

Критика системы политическаго равновѣсія и его литература.

1. Критика системы политическаго равновѣсія	15
2. Политическое равновѣсіе въ литературѣ.	36

ОТДѢЛЪ II.

Начало легитимизма.

А. Историческое развитіе легитимизма въ Европѣ.

1. Общій очеркъ	46

ГЛАВА I.

Періодъ первый.

Эпоха реставраціи во Франціи.

1. Реставрація съ международной точки зрѣнія	51
2. Отношеніе Франціи къ Бурбонамъ и реставраціи.	63

ГЛАВА II.

Періодъ второй.

Отъ вѣнскаго конгресса до конгресса въ Ахенѣ (съ 1814 по 1818 г.).

1. Трактаты и начала, предложенныя для руководства кон- грессу	73

	СТР.
2. Роль и планы важнейшихъ державъ, участвовавшихъ на конгрессѣ	86
3. Основанія рѣшеній конгресса и сдѣланныя имъ территориальныя раздѣленія	96
4. 100 дней	112
5. Критическія замѣчанія о вѣнскомъ конгрессѣ	138
6. Священный союзъ	150
7. Ахенскій конгрессъ.	158

ГЛАВА III.

Періодъ третій.

Отъ Карлсбадскихъ переговоровъ до конгресса въ Веронѣ (съ 1819 по 1823 г.).

1. Карлсбадскіе переговоры.	168
2. Неаполь и Пьемонтъ. Конгрессы въ Троппау и Лайбахѣ.	182
3. Испанія и Веронскій конгрессъ.	195

В. ТЕОРІЯ ЛЕГИТИМИЗМА ВЪ ЛИТЕРАТУРѢ И ЕГО КРИТИКА.

ГЛАВА I.

Легитимизмъ въ литературѣ.	206

ГЛАВА II.

Критика легитимизма	219

ОТДѢЛЪ III:

Начало національности.

ГЛАВА I.

Національность въ исторіи и въ официальныхъ актахъ.

1. Появленіе и развитіе національностей въ политической исторіи	238
2. Процессъ выдѣленія, объединенія и измѣненія государственныхъ формъ подъ вліяніемъ національной идеи.	248
3. Попытки къ официальному признанію начала національности.	260

ГЛАВА II.

Установленіе начала національности и его опредѣленіе.	268

ГЛАВА III.

Возраженія противъ начала національности.	297

ГЛАВА IV.

Національность и право завоеванія	311

ВВЕДЕНИЕ.

Наблюдая современные отношенія между государствами, замѣчается въ нихъ, прежде всего, *постоянство* и нѣкоторая *правильность*. Такъ, государства сносятся между собою, регулируютъ свои политическія отношенія, защищаютъ частные интересы своихъ подданныхъ, экономическіе интересы цѣлаго государства или отдѣльныхъ его провинцій. *Интересы* эти, при всей исторической измѣнчивости понятія о ихъ *содержаніи*, сами по себѣ постоянны, а это постоянство требуетъ и постоянства и нѣкоторой правильности сношеній между заинтересованными въ ихъ охраненіи государствами. Среди этихъ интересовъ, часто противоположныхъ, можно найти и такіе, которые общи всѣмъ государствамъ извѣстной высокой ступени культуры, почему охрана и поддержаніе ихъ одинаково необходимы для всѣхъ государствъ. А постоянство и правильность отношеній между державами обезпечиваютъ защиту лишь экономическихъ, нравственныхъ и духовныхъ интересовъ, общихъ всѣмъ государствамъ. Устанавливается извѣстный порядокъ, болѣе или менѣе совершенный; степени его совершенства различествуютъ, смотря по степенямъ сознанія интересовъ, а сама степень сознанія прямо пропорціональна высотѣ культуры, на которой стоитъ та или другая историческая эпоха. Порядокъ этотъ, обезпечиваемый правильностью и постоянствомъ отношеній, регулируемыхъ правомъ,

не всегда поддерживается; столкновѣнія съ государствами, оканчивающіяся часто войною, расшатываютъ этотъ порядокъ. Но сама конечная цѣль войнъ—возстановленіе *порядка*, хотя бы съ измѣненіями, вынужденными новыми отношеніями и жизненными интересами. Гуманизация же самыхъ способовъ веденія войны, пропорціональная повышенію человѣческой культуры, сама ведетъ къ тому, что опасность сильнаго поколебанія или конечной гибели порядка во время войны постоянно уменьшается.

Итакъ, существуетъ въ отношеніяхъ между государствами извѣстный порядокъ, поддерживаемый и охраняемый правильностью и постоянствомъ сношеній между государствами, приблизительно, одной степени культуры, дающей имъ возможность сознательно относиться къ этому порядку и понимать его необходимость. Эта необходимость лежитъ въ природѣ человека, который, постоянно улучшая свой физическій организмъ путемъ естественнаго подбора, исторически улучшаетъ и повышаетъ нужды, физическія потребности человека, а также духовныя, такъ какъ послѣднія увеличиваются вслѣдствіе качественного и количественнаго увеличенія способностей человека, постоянно возрастающихъ притомъ пропорціонально усовершенствованію самаго организма. Удовлетворенія различныхъ потребностей и развитія способностей своихъ человекъ ищетъ въ различныхъ формахъ общежитія, которыя болѣе или менѣе сложны и совершенно соответствуютъ большей или меньшей наличности потребностей и способностей человека въ ту или другую историческую эпоху. Естественно, что высшіе союзы могли появиться въ болѣе совершенныхъ формахъ только съ того момента, когда выросшія потребности и способности не могли быть удовлетворяемы совсѣмъ или въ достаточной степени прежде существовавшими общеніями. Этимъ объясняется, почему высшій союзъ—между государствами—появился позднѣе всѣхъ прочихъ. Чѣмъ ниже и тѣснѣе человѣческіе союзы, тѣмъ болѣе они охватываютъ человека и тѣмъ болѣе вліяютъ на него; такъ, человекъ болѣе охваченъ союзомъ государственнымъ, чѣмъ союзомъ международ-

нымъ, въ которомъ связи между отдѣльными людьми сознаются меньше и не столь непосредственно воздѣйствуютъ на людей и низшія общенія.

Но всѣ формы общенія имѣютъ въ виду человѣка, съ его потребностями и способностями. Если узы общенія слишкомъ стянуты, если человѣкъ теряетъ въ немъ свою личность, извѣстную свободу дѣйствій, общеніе уже нарушаетъ цѣли своего существованія, скорѣе препятствуетъ, чѣмъ удовлетворяетъ развитію способностей и удовлетворенію потребностей человѣка. Человѣкъ можетъ и долженъ уступить изъ своей свободы, изъ своихъ личныхъ правъ только то, что необходимо для достиженія общихъ цѣлей союза, для обезпеченія солидарности интересовъ между его членами. Низшіе союзы, входя въ составъ высшихъ, тоже должны сохранять нѣкоторую свободу и свою самостоятельную сферу дѣйствія. Напр., государство должно признавать союзъ семейный и предоставить ему извѣстную самостоятельность и свободу. Восходя, такимъ образомъ, до союза международнаго, въ которомъ воплощается идея постоянства и правильности сношеній между государствами, мы увидимъ, что отдѣльные его члены, государства, всегда требовали и пользуются въ дѣйствительности значительною долею свободы и самостоятельности. При частыхъ нарушеніяхъ этого принципа, которыя мы встрѣчаемъ во всемірной исторіи, все же конечный результатъ всегда благопріятствовалъ идеѣ свободы и самостоятельности (напр., всѣ попытки къ всемірной монархіи оказались недостижимыми). Поэтому сознаніе человѣчества пришло къ необходимости допустить право государствъ, т. е. субъектовъ, дѣйствующихъ въ международномъ союзѣ, на нѣкоторую самостоятельность и свободу. Они ограничены только настолько, насколько это необходимо для поддержанія общаго порядка, при помощи котораго охраняются общіе всѣмъ членамъ интересы, обезпеченіе которыхъ есть гарантія для достиженія въ этихъ упорядоченныхъ отношеніяхъ всего необходимаго для развитія человѣческихъ способностей и удовлетворенія его потребностей, повышающихъ въ свою очередь человѣческій

тинъ *). Свободныя и самостоятельныя государства въ организованномъ порядкѣ, зиждущемся на постоянствѣ и правильности отношеній между государствами, регулируемомъ правомъ—вотъ на чемъ долженъ покоиться международный союзъ. Международное же право будетъ совокупностью *юридическихъ отношеній между государствами и ихъ подданными, входящими въ организованный порядокъ, поддерживающій постоянство и правильность этихъ отношеній.*

Первое стремленіе, естественно присущее государствамъ, входящимъ въ международный союзъ, есть желаніе обезпечить себѣ по возможности пользованіе независимостью и свободою. А какъ безчисленныя историческія причины препятствовали иногда этому пользованію и вели къ грубымъ нападеніямъ на самое существованіе независимыхъ государствъ, то первою мыслью, на которую напалъ международный союзъ, связанный первоначально только весьма слабыми узами, было изысканіе средствъ, системы охраненія этой независимости и свободы государствъ. Тогда создалась, такъ называемая, система политическаго равновѣсія, какъ гарантія существованія свободныхъ и независимыхъ государствъ.

Имѣя, главнымъ образомъ, въ виду охрану субъективнаго принципа международнаго права (права государствъ, субъектовъ международнаго права, на самостоятельность и свободу), система равновѣсія преслѣдовала въ конечной цѣли и идею охраны порядка. Понятно, что если система эта не могла обезпечить первой, то она не достигала и второй своей цѣли, такъ какъ обѣ (идея независимости частей и организованнаго между ними порядка), тѣсно связаны: нарушеніе первой влекло за собою потрясеніе послѣдней. Система равновѣсія и всѣ попытки къ ея устроенію оказались несостоятельными: механическая теорія и искусственные планы, связанные съ нею, были производны, давали оправданіе насилію. Она не устранила

---

*) См. подробно нашу статью «Принципы международнаго права» въ «Юридическомъ Вѣстникѣ», за май 1880 г.

ни войнъ, ни попытокъ ко всемірной монархіи, свелась къ нарушенію того, что желала охранять — независимости и свободы государствъ, вносила разстройство и крайнюю неустойчивость въ международный порядокъ, совсѣмъ расшатавшійся въ эпоху революціи и имперіи.

Съ вѣнскаго конгресса отживавшій и непригодный принципъ политическаго равновѣсія начинаетъ вытѣсняться. Международный союзъ, вѣрнѣе, главные его руководители пытаются возстановить расшатанный порядокъ. Не отказываясь еще, подъ вліяніемъ старыхъ традицій, отъ идеи политическаго равновѣсія, онъ направилъ свои силы главнымъ образомъ на поддержаніе *порядка*, который хотѣли создать и обезпечить на началахъ *легитимизма* во внутренней и въ международной жизни государствъ. Всѣ силы, всѣ мысли устремились на эту сторону; ее развили, искали укрѣпить порядокъ всѣми способами. И если прежняя исторія международныхъ сношеній забывала и игнорировала идею порядка, ради идеи свободы и независимости, то съ вѣнскаго и особенно послѣдующихъ конгрессовъ начинается эпоха, въ которой преобладала мысль *охраны цѣлаго*, путемъ созданія и обезпеченія легитимнаго порядка, которой приносили въ жертву идею права составныхъ частей цѣлаго на нѣкоторую свободу и независимость. Послѣдующіе за вѣнскимъ конгрессы довели это стремленіе до крайности, и хотѣли убить даже внутреннюю свободу государствъ. Система политическаго равновѣсія не касалась, по крайней мѣрѣ, внутренней государственной сферы; система, построенная на началахъ легитимизма, коснулась и внутренней свободы государствъ; она хотѣла создать *вѣчный порядокъ* подавленіемъ личности. Результатомъ ея было подавленіе прогресса, изгнаніе идеи поступательнаго развитія государственной жизни, насиліе надъ личною свободою гражданъ и правомъ государствъ. Но порядокъ, не признающій идеи свободы частей, его составляющихъ, не можетъ существовать. Онъ расшатался очень скоро. Новая идея — національности, появившаяся еще при французской революціи, сломила косность легитимнаго порядка и проявилась съ особенною силою съ начала второй половины нашего столѣтія. Она выра-

жала собою реакцію тому направленію, которое хотѣло задуть начало свободы индивидуума и государствъ; но прогрессъ не допустилъ ее ограничиться ролью борца за сохраненіе государствъ стараго образца и за обезпеченіе ихъ правъ на существованіе, проявляющееся въ свободѣ и самостоятельности. Ненормальный составъ многихъ государственныхъ тѣлъ, давившихъ свободу коллективныхъ личностей (національностей), нашелъ себѣ осужденіе въ новомъ началѣ, которое стремилось пересоздать порядокъ на основѣ свободы и самостоятельности государствъ, *построенныхъ на національномъ фундаментѣ*. Новая идея стремится къ тому, чтобы націи (nation) совпали съ понятіемъ о народѣ (Volk) въ государственномъ смыслѣ, т. е., чтобы границы національностей и государствъ совпадали между собою. Она имѣетъ въ виду охранить это *новое, національное* государство, и въ этомъ смыслѣ начало національности измѣнило прежнюю идею свободы и самостоятельности государства, т. е., выразило собою принципъ прогресса въ исторіи разрушеніемъ понятія о прежнемъ государствѣ, образовавшемся завоеваніемъ, дареніемъ, куплею-продажею, мѣною и другими способами, посредствомъ которыхъ сливали въ одно цѣлое различныя по національностямъ провинціи. Но, разрушая старый порядокъ, основанный на прежнемъ государствѣ, новое начало хочетъ создать болѣе *прочный* порядокъ организаціи, въ которую войдутъ отдѣльные члены (національныя государства), удовлетворенные въ естественныхъ своихъ стремленіяхъ. А это удовлетвореніе сократитъ поводы къ столкновеніямъ между народами, умиротворитъ то, что находилось прежде въ состояніи раздора, создастъ цѣльность стремленій, укрѣпитъ правильность въ отношеніяхъ между государствами, среди которыхъ не будетъ уже державъ, отдѣльныя провинціи которыхъ, съ ихъ часто противоположными интересами, препятствуютъ имъ вносить въ международный союзъ цѣлостность и единство интересовъ.

ОТДѢЛЪ I.

Система политическаго равновѣсія.

ГЛАВА I.

Политическое равновѣсіе въ исторіи и трактатахъ.

1. Историческій очеркъ.

Идея защиты свободы и самостоятельности государствъ не могла проникнуть въ общее сознаніе народовъ древняго міра. Древность отрицала въ самомъ принципѣ идею независимости государствъ. Сосѣдъ считался неприкосновеннымъ, поскольку онъ фактически могъ защищать свою свободу отъ покушеній сильнѣйшаго. За отдѣльнымъ лицомъ чуждой націи не признавалось права личной неприкосновенности и свободы; тѣмъ меньше право это могло признаваться за цѣлою націею или государствомъ. Отсюда — нападеніе на сосѣдей и завоеваніе ихъ территорій, уничтоженіе государственной независимости по праву сильнаго. Это было общераспространеннымъ сознаніемъ древности.

Но отдѣльные, выдающіеся умы древности, особенно государственные люди, дорожа независимостью родины, должны были напасть на мысль объ отысканіи средствъ для борьбы противъ завоевательныхъ поползновеній сосѣдей. Нѣкоторые изъ правителей и политическихъ людей древности, побуждаемые сперва инстинктивнымъ стремленіемъ спасти независимость родины, сознательно возвысились до идеи равновѣсія силъ. Историкъ Юмъ ¹⁾ утверждаетъ про древнихъ, что если они и не имѣли опредѣленной теоріи равновѣсія силъ между державами, то она все же практи-

¹⁾ *Wheaton*. «Histoire», tome I, стр. 13—17.

ковалась ими. Такъ, Оемистоклъ видѣлъ въ лигѣ, составленной противъ аѳинянъ до пелопонезской войны, примѣненіе этого принципа. Позднѣе, когда спартанцы и аѳиняне враждовали между собою изъ-за господства надъ Греціей, аѳиняне пытались поддерживать равновѣсіе, присоединяясь къ слабѣйшей сторонѣ и мысль эта нашла защитника въ Демосѳенѣ. Великій ораторъ въ одинаковой степени понималъ опасность, угрожавшую Греціи отъ Филиппа Македонскаго. Онъ желалъ, чтобы даже Персія приняла участіе въ лигѣ противъ Филиппа. Цари персидскіе слѣдовали, будто бы, всегда политикѣ, которую указалъ Тизаферну Алкивіадъ: поддерживать въ гражданскихъ войнахъ Греціи самую слабую партію. Благодаря этой-то политикѣ Персія могла продолжить свое существованіе еще на цѣлое столѣтіе. Отказавшись отъ этой мудрой политики, не ополчившись противъ Филиппа, она пала съ невѣроятною быстротою. Преемники Александра Великаго слѣдовали политикѣ персовъ: Птолемеи поддерживали попеременно лигу ахейскую и Спарту, чтобы уравновѣсить силу царей македонскихъ. Скоро народилось могущество Рима. Но Египетъ, Сирія и Македонія не поняли необходимости соединиться съ маленькими государствами Греціи противъ Рима. Когда Карѳагенъ и Римъ столкнулись, было ясно, что они спорятъ за всемірное господство. Но ни одно изъ заинтересованныхъ въ исходѣ борьбы государствъ не вмѣшалось и Филиппъ II Македонскій остался нейтральнымъ. Лига ахейская и „мудрый“ островъ Родосъ слѣдовали той же губительной политикѣ. Исключеніе изъ правила представлялъ собою Гіеронъ II-й, царь сиракузскій. Историкъ Полибій говоритъ о немъ, что свободу и независимость Карѳагена онъ считалъ необходимыми, какъ для сохраненія своего господства въ Сициліи, такъ и для сохраненія дружбы своей съ Римомъ. Гіеронъ боялся, что съ паденіемъ Карѳагена Римъ, оставшись безъ соперниковъ, не найдетъ уже сопротивленія своимъ планамъ. Поэтому Гіеронъ подавалъ помощь Карѳагену, считаясь въ то же время союзникомъ Рима.

Полибій, одобряя эту систему Гіерона, говоритъ, что „могущество никогда не должно быть оставляемо въ рукахъ одного только государства такъ, чтобы сосѣди были поставлены въ невозможность защищать противъ него свои права“. По поводу этихъ словъ Юмъ замѣчаетъ, что принципъ равновѣсія основанъ на столь простомъ соображеніи и такъ присущъ общему сознанію, что онъ не остался внѣ разумѣнія и проницательности древнихъ. Онъ оказывалъ большое вліяніе на поведеніе государей и госу-

дарственныхъ людей, одаренныхъ нѣкоторымъ умомъ и опытомъ ¹⁾).

Впрочемъ, самъ Юмъ прибавляетъ, что принципъ равновѣсія „не былъ въ древности такъ общепризнанъ, какъ въ настоящее время“. Этого и не могло быть въ виду вышеуказаннаго нами отрицанія древностью самой идеи независимости сосѣда и уваженія къ его свободѣ. Поэтому можно отчасти согласиться съ Weaton'омъ ²⁾, который утверждаетъ, что начало внимательства для поддержанія равновѣсія между державами, хотя и было принято государственными людьми и историками, „не было однако достаточно общеприложимо“. Мы прибавили бы отъ себя, что начало это не было достаточно *общераспространенно*, основная идея его — защита независимости государствъ — не проникла въ общее сознаніе, была достояніемъ отдѣльныхъ, рѣдкихъ умовъ, систематично не выдерживалась и не проводилась на практикѣ.

Среднимъ вѣкамъ удалось временно установить единство, выражавшееся въ идеѣ, въ тѣсномъ и полномъ единеніи христіанскаго міра въ лицѣ императора и папы. Миръ „*totius mundi christianorum*“ былъ идеальной цѣлью этого „вѣчнаго и незыблемаго“ союза свѣтской и духовной власти. Идеаль этотъ — единство для достиженія мира — не могъ быть осуществленъ: идея единства вырождалась въ открытое стремленіе ко всемірной монархіи съ рѣзко теократическимъ характеромъ; вскорѣ къ этому присоединилась открытая вражда двухъ властей. Средневѣковое единство, сильно подорванное къ концу XIV столѣтія, не могло понять и развить идею, лежащую въ основѣ системы равновѣсія. Обѣ власти въ своей совокупности и каждая въ отдѣльности, стремясь ко всемірному господству, отрицали тѣмъ самымъ начало независимости и свободы государствъ и народовъ, такъ какъ послѣдніе рассматривались какъ вассалы или же были невѣрными, осужденными на истребленіе или покореніе. XVI вѣкъ (реформація) окончательно разрушилъ идею единства. Изъ-подъ развалинъ этого послѣдняго начали проявляться и постепенно укрѣпляться націи. Но элементы будущихъ національностей находились еще въ зародышномъ состояніи. Почти всюду организуется сильная королевская власть, борющаяся и сокрушающая феодализмъ; власть эта постепенно усиливается и стремится къ объединенію внутри и къ расширенію предѣловъ государственной территоріи. Представители

¹⁾ Wheaton. Ibidem, 17.

²⁾ Ibidem.

націй, государи, представляли ихъ, какъ говоритъ Лоранъ, весьма дурно: личныя цѣли, тщеславіе, честолюбіе, страсть къ войнѣ — отличительные признаки усилившейся королевской власти. Ясно, что эти условія были благопріятны честолюбивымъ планамъ всемірной монархіи. Съ большею или меньшею сознательностью къ ней начали стремиться нѣкоторыя изъ государствъ, поставленныхъ, въ силу счастливыхъ условій, въ особо благопріятное положеніе для осуществленія этой цѣли. Принципу независимости государствъ стала угрожать опасность. Инстинктъ самосохраненія вынуждаетъ слабыхъ искать путемъ союза между собою и съ другими сильнѣйшими державами, соперничавшими съ общимъ для нихъ врагомъ, защиты и средствъ для борьбы съ опасными честолюбцами. Тогда-то начали поговаривать объ „уравновѣшеніи силъ“; нарождается мало-по-малу и быстро распространяется идея политическаго равновѣсія.

Раньше всего о политическомъ равновѣсіи заговорили въ Италіи. Послѣ нападенія на Италію Карла VIII, итальянскія государства заключаютъ между собою оборонительные союзы для защиты отъ нашествія иноплеменниковъ ¹⁾. А итальянскій историкъ, Гвиччардини, свидѣтельствуетъ, что Медичи во Флоренціи заботились объ установленіи равновѣсія между державами Апеннинскаго полуострова и рассматривали это равновѣсіе, какъ гарантію безопасности республики и авторитета собственной ихъ власти. Средствомъ же для достиженія этой цѣли были въ ихъ глазахъ, миръ и удаленіе всего, что могло нарушить его ²⁾.

Въ XVI вѣкѣ Испанія, достигшая высокой степени политическаго могущества, руководимая Карломъ V, почти открыто добивается всемірной монархіи. Слабыя державы противодействуютъ ей союзами; въ концѣ царствованія Филиппа II Испанія обезсилена, хотя ей и удалось временно унизить Францію (при Францискѣ I). Роль Испаніи беретъ на себя австрійскій домъ, освоившійся съ неблагодарной задачей возсозданія средневѣковаго единства міра, съ императоромъ и папою во главѣ. Франція, оправившаяся послѣ погромовъ, предводимая всесильными королями и великими государственными людьми (Ришелье и Мазирини) вступаетъ съ Австріей въ упорную борьбу. Въ концѣ концовъ и здѣсь-таки не повезло идеѣ всемірной монархіи: инстинктъ самосохраненія государствъ, отстаивавшихъ свою независимость, взялъ

---

¹⁾ Wheaton. Ibidem, § 2.

²⁾ Laurent. «Etudes» tome X, стр. 47.

верхъ. Австрія унижена; вестфальскій миръ, почитаемый обыкновенно за эпоху видимаго осуществленія и укрѣпленія идеи равновѣсія, отнялъ у Габсбурговъ ихъ первенствующее значеніе. Повидимому, въ Европѣ должны были воцариться миръ и благодать, установленные на началахъ такъ-называемаго политическаго равновѣсія. Но дѣло въ томъ, что вестфальскій миръ никакого равновѣсія силъ не создалъ, а передалъ бразды руководства отъ ослабленныхъ Габсбурговъ въ мощную десницу честолюбивыхъ французскихъ королей, замыслы которыхъ умѣрялись нѣсколько, впрочемъ только на короткое время, Швеціею, получившею вѣсь и значеніе вслѣдствіе борьбы Густава-Адольфа и канцлера Оксенштирна за протестантизмъ. Ришелье, безжалостно гнавшій протестантовъ во Франціи, покровительствовалъ имъ въ Германіи и Австріи для того, чтобы ослабить послѣднюю. Но преемники его быстро позабыли свою роль „спасителей и хранителей“ свободы Европы. Людовикъ XIV превзошелъ въ своихъ честолюбивыхъ замыслахъ Карла V, Филиппа II и Габсбурговъ. Правда, христіаннѣйшій король не думалъ уже серьезно ни о какомъ средневѣковомъ единствѣ; но тѣмъ не менѣе онъ весьма осязательно хотѣлъ расширить предѣлы Франціи захватами у сильныхъ и слабыхъ сосѣдей и навязать свою верховную волю остальнымъ какъ бы вассальнымъ государствамъ Европы. Англія, отчасти Голландія явились тогда оплотомъ европейскихъ державъ противъ хищничества Франціи. Участъ замысловъ послѣдней рѣшилась на Утрехтскомъ конгрессѣ (1714 г.) ¹⁾. Вѣрно замѣтилъ Гентцъ, что Франція по смерти Людовика XIV хотя и принимала участіе въ войнахъ, но существенно уже не угрожала сосѣдямъ, едва пыталась дѣлать новыя завоеванія и играла въ великихъ событіяхъ того времени не только не рѣшающую, но часто даже подчиненную роль ²⁾. Въ это же время всѣ остальныя европейскія державы увеличивали свои владѣнія, военныя силы и политическое вліяніе, почему тяжесть Франціи на вѣсахъ относительнаго могущества значительно уменьшилась. Въ концѣ же царствованія Людовика XV Франція была уже настолько безсильна, что Людовикъ „едва одними протестами могъ отвѣчать на самыя смѣлыя предпріятія другихъ державъ“ ³⁾.

Французская революція вновь подняла политическое значеніе

---

¹⁾ *Wheaton*, ibidem, § 2; *Laurent*. «Études», tome X, § 4.

²⁾ «*Briefe und vertraute Blätter von Freiherr von Gentz*». Изданіе Gustav'a Schlesier'a. Mannheim. 1838. См. Theil II, стр. 419.

³⁾ Ibidem, стр. 419.

Франціи, понемногу распространившей идеалы революціи по всей Европѣ путемъ пропаганды и силою оружія. Въ чемъ бы ни лежала причина страшныхъ успѣховъ французскаго оружія ¹⁾, должно констатировать фактъ быстро усиливавшагося политическаго могущества Франціи, перешедшаго при Наполеонѣ императорѣ въ самый вопіющій деспотизмъ и произволъ надъ Европою (кромѣ Англіи). Опять почуяли народы опасность; самостоятельность государственныхъ тѣлъ великихъ, среднихъ и малыхъ вновь была поставлена на карту. Послѣ повторенныхъ неудачныхъ, попытокъ отстоять свободу, образовался наконецъ большой, непобѣдимый союзъ. Воззвали къ народамъ, пригласили ихъ соединиться и помочь правительствамъ низвергнуть тяжкое и постыдное иго. Дѣло сдѣлано; вѣнскій конгрессъ, умаливъ Францію, распорядился съ картою Европы очень произвольно. Въ общемъ же и цѣломъ конгрессъ „для возстановленія порядка, зиждущагося на законности и политическомъ равновѣсіи“ усилилъ Англію на морѣ, признавъ ее чуть не открыто владычицей морей, Австрію, Пруссію и Россію—на европейскомъ континентѣ. Долго думали и гадали вѣнскіе заправители надъ тѣмъ, какъ бы не усилить одной изъ трехъ державъ въ ущербъ другимъ и установить между ними равновѣсіе: всѣ боялись и недовѣряли другъ другу. Послѣдовавшая за конгрессомъ эпоха выдвинула и укрѣпила новое начало—легитимизмъ, за которымъ на время позабыли о равновѣсіи. Къ нему вновь вернулись въ 30-хъ годахъ (по поводу Бельгіи и Голландіи); здѣсь пришлось отмѣнить „незыблемыя“ постановленія Вѣнскаго конгресса. Съ новою силою схватились за идею равновѣсія по поводу восточныхъ дѣлъ. Усиленіе Россіи и роль ея по отношенію къ Турціи, Греціи и балканскимъ славянамъ привели Англію, Францію, Австрію и Италію къ тому, что они вообразили себя вынужденными силою остановить возрастаніе могущества „сѣвернаго колосса“. Парижскій трактатъ 1856 г. унижилъ Россію, пытался дать жизнь и усилить разлагавшуюся Турцію. Послѣдняя восточная война и берлинскій конгрессъ вновь оживили въ лицѣ Англіи и Австріи такъ-называемую идею политическаго равновѣсія, которая съ 1814 года видимо стала отходить на второй планъ, потеряла свое обще-европейское значеніе, вытѣсненная сперва легитимизмомъ, потомъ началомъ національности. О политическомъ же равновѣсіи, начавшемъ терять свой общій характеръ, стали упоминать только въ исключительныхъ, частныхъ случаяхъ.

¹⁾ V. Gentz, *ibidem*, стр. 420—421.